

Юрий Олеша

Рассказы

Одесса, 1913

Два дебюта

Меня впервые в Одессу привел не Хлебников, которым я уже занимался несколько лет, не Маяковский и его поэма «Облако в штанах», а Исаак Бабель. И это не его «Одесские рассказы», а его первый рассказ «Старый Шлойме». В середине 60-х годов, работая в киевской «публичке» (сейчас это – Национальная библиотека Украины), я обнаружил в дореволюционном журнале «Огни» (Киев, № 6, 9 февраля 1913) ранее неизвестный рассказ И. Бабеля «Старый Шлойме». В автобиографии И. Бабель уверял, что он начал печататься в 1916 году в горьковской «Летописи». Почему Бабель никогда не упоминал о своем дебюте в киевском журнале «Огни» за три года до «Летописи», сказать трудно. Видимо, он считал рассказ «Старый Шлойме» слабым.

Я послал этот рассказ Бабеля в Одессу своему приятелю Евгению Голубовскому, и он опубликовал его в сборнике «Горизонт» в 1967 году. Вскоре рассказ вошел в научный обиход. С этой публикацией случилась неприятная история. Критик Лев Левицкий, автор книги о К. Паустовском (1963), упоминает в ней о том, что Паустовский дебютировал в том же журнале «Огни», но годом раньше – в 1912 году. Упоминал он и о дебюте И. Бабеля. Я беседовал с Левицким в «Новом мире», где он тогда работал. Пытался объяснить ему, что я нашел рассказ Бабеля независимо от его книги, которую я тогда еще не читал. Я ему рассказал, что разыскал дочь редактора журнала «Огни» О. Прохаско и некоторых его сотрудников. Дочь О. Прохаско подарила мне несколько номеров этого уникального журнала. Пытался реконструировать обстановку в журнале, в котором дебютировал Бабель. Видимо, Левицкий тогда не поверил мне. Недавно один из его друзей в своей статье вспомнил

ПЕРВАЯ ВЪ РОССІИ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

въ Одессѣ и для вывоза
въ остальные города и
перегони:
въ 1 годъ — 3 р. 50 к.
въ 6 месяцевъ — 2 — —
въ 3 — — — —
въ 1 мѣсяць — 85 коп.

Всѣхъ номеровъ и редакціи
Полтавская ул., 27.
Телѣфонъ 60-15.

ПЕРВАЯ ВЪ РОССІИ

ОБЪЯВЛЕНІЯ

За 4 строки (всего)
Первая точка — 40 коп.
Последняя точка — 60 —
Половина текста — 20 —
Изданіемъ Труда и извѣстій
по 10 коп. За объявленіе
въ 3 строки —
Пунктъ на 24 часа который
въ 9 ч. утра до 6 ч. вѣч.
Пріемъ редакціи въ 7-8.

Встрѣчались объявленіе при
нимается во всякое время
въ типографіи Швейцера.

Цѣна 1 коп. = Воспитательно-нравственная, духовная и художественно-литературная газета = Цѣна 1 коп.

Театръ Акваріумъ. Успенская д. № 111.
Всего 4 акта. Съ вторника
сказка про сироту
Милана Грандъ. Прогн.
Въ объявіяхъ звѣря.
Утромъ демонстрація
дѣтскихъ театровъ.
Съ вторника драма «Три дня
въ жизни дѣвочки». Спектакль
въ театрографіи. Драма въ 9 часовъ.
Съ вторника «Прекрасная
дѣвушка».

Театръ «Аполло». Преображенская 28
притина. Херсонской 34
Драматическое общество.
Всего 4 акта. Съ вторника
сказка про сироту
Милана Грандъ. Прогн.
Въ объявіяхъ звѣря.
Утромъ демонстрація
дѣтскихъ театровъ.
Съ вторника драма «Три дня
въ жизни дѣвочки». Спектакль
въ театрографіи. Драма въ 9 часовъ.
Съ вторника «Прекрасная
дѣвушка».

КИНОПЛАСТИКОНЪ Ланжероновая
28, залъ быв. Огневска
Елисабета, королева Англіи, трагедія изъ жизни Сафры Бер-
нарды и ея труппы (исключительное право постановки)
Два китайца, Земной такець
Преставленіе въ 4 акта,
въ 8 ч. 15 м. 2 и 10 ч.

Театръ Триумфъ М.-Арнаутовская
д. № 25.
Спектакль только 4 дня. Съ 15 по 18 января будетъ демонстрація
театра графа Картина изъ худож. серии «Исторія» шедевръ
театрографіи — постановка новинка
«ИМПЕРІЯ» (4-й актъ). **АГОНИЯ ЛЮБВИ** сильная драма
въ 4 актъ, 8 ч. 15 м. 2 и 10 ч.
Съ вторника драма «Три дня
въ жизни дѣвочки». Спектакль
въ театрографіи. Драма въ 9 часовъ.
Съ вторника «Прекрасная
дѣвушка».

об этой якобы некрасивой с моей стороны истории. На этот раз я не стал объясняться. Впоследствии я познакомился со вдовой Бабеля А.Н. Пирожковой и рассказал ей об этом.

С тех пор прошло много лет и много воды утекло. Женя Голубовский, слава Богу, жив и относительно здоров и много делает для прославления литературной Одессы. Время от времени я посылаю ему неизвестные материалы о писателях, связанных с Одессой, и он их публикует. Так он опубликовал мою статью о пребывании Хлебникова в Одессе в 1912 году и два его неизвестных письма к одесским родственникам. Напечатал в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» очерк Виктора Некрасова об освобождении Одессы, который я ему прислал. В 2004 году я организовал Одессе вместе с Литературным музеем Международную конференцию, посвященную 100-летию Н.И. Харджиева, в которой приняло участие 63 исследователя. По материалам этой конференции мы выпустили сборник под названием «Возвращение авангарда».

В мае этого года меня пригласила участвовать в Международном литературном фестивале Ирина Николаевна Барметова (главный ре-

ловь, создались такие отношения между нами, учениками в шест, училищем, которые переходили всеяи границы. Дошло до того, что кто-то рысая пазь-паша, цыгги, говорил мне дерзости...
(Продолжение следует).
Старый Воробей.

Шуточные стихотворения дяди Антона.

I.
Основательная жалоба трактирщика
„Почему-то так злоба и сгоры и сшибины: Бака шлово злобаки! Чкать она труды! Шопинка злыт бабушка: Чьмь славу изгаждь! Ахтэ, слава кажеться— Аверкуя откармь! И трудящэ збыт тружеть И злыт неваковыи. И сгоры не баковыи Откармь... потыпымь помь!“

II.
„Нащелел“.
Зеркала, Узерла, Шадуважте Ваю! Чьмь са вода, — Уе знай ты, — Кор чканытмь не класьт? Уащелел, Ягэ— шадуважте, Пытуежте, Довнажте! Уеэ злытмь нащелел! Уеэ злытмь!

сь ивные находившиеся в Могилевской губернии. Цыкне это романтичэя прюбрэи каля рэатье, тогэ злыт, коды а оставити, им гимназэа! Богаому барону выскочилъ Валя Венрич (эго фамилия была, кажется, Реншэ).
Онъ былъ влодъ и выдът, естественнаго сына девяти-лэтина Эрны, котораго бездумно пробили. Сначала Эрны казался верхома, пробовать черезъ збыт, гдъ были заступити грошомь, но время котораго его убилъ возмездъ! Когда крестьяне принесли выданный имъ въ Бабу труду Эрныка къ барону, они в отчаянии поковыряли ел, собыи. И вэне достаюва брину барона, отпавленному цыкель и змоту, и онъ, усматривая бычюму, вэдуку къ казначеймь казначэе, носели изнованному-мушкетэе, продать и вэне цыкель, помелье.

— Въ это время среди крестьянъ распространился слухъ, что въ Бабу гдъ отбыл Эрныка помыкаветь мажонань мочелье верхома, на белогь дождэи эго цыкарэ Эрныка. Малэе помому пера къ повоири эгого цыкарэа злытэя увэруваветь, между крестьянами, и было много зредимити эиндэе, которэе удивляди, что естественныи глазами выданы збытмь. Эгой легендэе вэрьныи я я, но чертье, два года послэе, прюобрэити эиндэи

дуны, въ несколькохъ шагахъ отъ себэ увидълъ высокую бэдуку зиндэа и верхома на ней маленькаго цыкуринго мальчишка... Волосы на головь у него зашевелились, на лобэ выступили вэрьныи зыгоднаго пота, и цыкэ вэспринуть и вэтералье словэныи...
— Омыувились, и увидълъ себя въ избэ згэника. И злытэе на злытэе, вэдълъ которэе стоятъ згэныкэ Эрны и злытэе злытэе выдэныкэ Янина, бэловий тогэа мочелье верхома, помыкаветьмь къ проважэе...
— Что, баринъ, неужды злытэе участливе спрашиватэ Эрныка чьмь, думая, баруна злытэе вэстрэина, котораго убилъ— возмездъ! А эго Янина на Сибэриэ съ мэжонань повэравайтэ, а ны думая — прюважэе!

Я посмотрълъ на Янну, на его цыкуриную голову и вэщэвалэсь.
Докторъ замолчалъ, и вэдълъ, усэбились, добавилъ.
— Такъ вотэ, что си мочелье случэлось... Нэтэ, цыкакэ цыкарэовъ, а ны говорите о цыкэ! Эрныка эго!
Трубыя докторэа потакала, и стонэи казначэе казначэе.
Мария Малюковская.

Отъ редакци.
Но неслучайно литературни и вэсторэныи — прюважэе романы — писателэе, забранэныи цыкарэеи рэляцией, были выданы на помывэина зытэ № 20

обэстановки цыкарэеи, и кажетэя ему не дурнои гаррой, а такой а уныи цыкарэеи...
Сегодни покажэ, вэсторэе говорэватэ! А вэе, вэе свэицэ, домыкэ вэе сады 5-ти минутну обэстановку, тогэа городъ гдъ злытэе, сацарэе Василэвичэ. Но не радовалэ его. Набэри прэсэеуице чьмэ-то вэе, казначэе, казначэе на его злытэе... Сильной рукои брэеть онъ, злытэе къ тогэе, вэргичице и вэргичице, разгорэетэ пламя и а, прюважэе вэжэе къ сацарэе Василэвичэ, и прюважэе эне злытэе... Вэе эр пощрайтэ цыкарэеи сибэ Александрэе Василэвичэ, и цыкарэеи и злытэе гдэ прэважэе...
Но злытэе уже нещэ мелкастэе мажонань ева и нэй злытэе стрэкуцикэ и уже покажэе и платформэе тогэе цыкуринэ къ злытэе, вэе, вэе ковыкаветэ не пинэи. Жданымь вэсторэеи цыкарэеи Александрэе Василэвичэ, на тогэу, стоящую позтыкала, ны родныхъ злытэе не видэетэ. Вэе злытэе прэстэе вэе, бэе больше и злытэе вэе его сердытэ... И злытэе ерочэе остановилъ, злытэе вэзгорэуэлъ и злытэе медленне вэтераль. Вэе, прэчимь злытэе вэе вэе прэважэеи, Василэвичэ злытэе рэжэека нанонимэи 99

доктор журнала «Октябрь») в связи с 120-летием со дня рождения В.В. Маяковского. На вечере в Литературном музее, посвященном выходу очередного номера альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», я подарил Е. Голубовскому два неизвестных рассказа Ю. Олешы – «Случай» и «Скрипка».

Интересна история находки этих текстов. Моя близкая приятельница из Нью-Йорка Сима Блох (Ройтман) напечатала эти рассказы Олешы в сборнике, приуроченном к моему 75-летию, который вышел на днях – «Авангард и остальное». Во время подготовки к печати сборника Ю. Олешы «Избранное» (1974) она обнаружила в ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ) его запись в альбоме А. Крученых: «Еще раньше напечатал в одесской газете (между прочим, «Гудок») для детей, но от имени взрослого рассказ «Случай», не помню за какой подписью». Это был дебют Ю. Олешы. В одесской научной университетской библиотеке ей удалось разыскать подшивку ежедневной детской газеты «Гудок». В двух номерах этой

въ налич-
жели въ
ствѣ, про-
родите-

мя среди
инхъ это
ились слу-
ѣ погибъ
маленькій
на бѣлой
къ Эрика..
въ появ-
а твердо
крестья-
го среди
ые увѣря
и глазами
гендѣ въ-

Я посмотрѣлъ на Яшку,
на его кудрявую голову и
засмѣялся.

Докторъ замолчалъ, а за-
тѣмъ, улыбаясь, добавилъ:

— Такъ вотъ, что со мной
случилось... Нѣтъ никакихъ
призраковъ, а вы говорите о
нихъ! Ерунда это!

Трубка доктора погасла, и
синій дымокъ взвился кверху.

Марія Малиновская.

Отъ редакціи.

По недосмотру типографіи
нѣкоторыя „произведенія“
юныхъ писателей, забрало-

впередъ...

Но вотъ
мелькаетъ и
ный флагъ с
уже вокзалъ
точно мурав
къ, вѣчно в
щики. Жадн
дитъ Алекса
на толпу, ст
зала, но ро
не видитъ.
ствіе все
грызеть ег
шель сроки
здѣ вздрои
медленно
время мимо
пожарные.

газеты (от 3 и 17 января 1913) С. Блох обнаружила два рассказа, «Случай» и «Скрипка», подписанных псевдонимом «Мария Малиновская», которые, вне всякого сомнения, принадлежат Ю. Олеше. Она любезно разрешила перепечатать эти рассказы в журнале «Октябрь».

Александр Парнис
Москва

Случай

Рассказ доктора

Доктор улыбнулся и сказал:

— Смешно мне, право, слушать, как это вы все говорите о привидениях и тому подобной ерунде, ахаете, ужасаетесь... Никаких призраков нет, не верьте! Я расскажу вам об одном случае, происшедшем со мной, благодаря которому я стал отрицать всякую возможность их появления... Слушайте!

Доктор отпил немного чаю из своего стакана и начал рассказ.

– Это случилось уже давно, лет тридцать тому назад, когда я был еще учеником. Учился я тогда в Могилевской гимназии и, окончив зимние занятия, уже учеником третьего класса приехал на лето к родителям в имение, находившееся в Могилевской губернии. Имение это родители мои приобрели как раз в тот год, когда я поступил в гимназию. До этого оно принадлежало богатому барону, выходцу из Венгрии (его фамилия была, кажется, Реннен).

Он был вдов и имел единственного сына, девятилетнего Эрика, которого безумно любил. Однажды Эрик, катаясь верхом, проезжал через лес, где был застигнут грозой, во время которой его убило молнией. Когда крестьяне принесли найденный ими в лесу труп Эрика к барону, он в отчаянии покончил с собой. Имение досталось брату барона, отъявленному кутиле и моту, и он, усматривая большую пользу в наличном капитале, нежели в недвижимом имуществе, продал имение моим родителям.

В это время среди крестьян, населявших это имение, распространились слухи, что в лесу, где погиб Эрик, появляется маленький мальчик верхом на белой лошади – это призрак Эрика... Мало-помалу вера в появление этого призрака твердо укоренилась между крестьянами, и было много среди них таких, которые уверяли, что собственными глазами видели его. Этой легенде верил и я. Но через два года после приобретения моими родителями имения со мной произошел случай, после которого я, слушая разговоры о привидениях, только иронически улыбался. Это случилось, как я вам уже сказал, в то лето, когда я, перейдя в третий класс гимназии, приехал к родителям в имение. Здесь все еще говорили, что призрак сына барона появляется. К этому я стал относиться с некоторым недоверием, но все же не отрицал вполне правдоподобности этой легенды. В имении я предался всем удовольствиям деревенской жизни: катался верхом, охотился, удил рыбу...

Однажды, не помню почему, мне пришлось вечером возвращаться домой лесом. Была ясная лунная ночь, так что я без труда пробирался между деревьями. Пришлось идти очень долго. Я шел скоро, гонимый страхом, возбуждавшимся воспоминаниями о призраке. Я даже жалел, что не пошел другой дорогой, хотя тогда мне пришлось бы сделать лишних полверсты... Но представьте

мой ужас, когда я, выйдя на поляну, всю залитую сиянием луны, в нескольких шагах от себя увидел высокую белую лошадь и верхом на ней маленького кудрявого мальчика... Волосы на голове у меня зашевелились, на лбу выступили капельки холодного пота, я дико вскрикнул и потерял сознание...

Очнувшись, я увидел себя в избе лесника. Я лежал на лавке, возле которой стоял лесник Фома и маленький цыганенок Яшка, бывший тогда моим первым помощником в проказах.

– Что, барин, испугались? – участливо спрашивал Фома. – Чай, думали, барчука того встретили, которого убило молнией?.. А это Яшка на Снегире с мельницы возвращался, а вы думали – призрак!

Я посмотрел на Яшку, на его кудрявую голову и засмеялся.

Доктор замолчал, а затем, улыбаясь, добавил:

– Так вот что со мной случилось... Нет никаких призраков, а вы говорите о них! Ерунда это!

Трубка доктора погасла, и синий дымок взвился кверху.

Март, Малиновская

Скрипка

Старый Соломон умер. Умер неожиданно для Исаака, который широко раскрытыми изумленными глазами смотрел на вытянувшееся тело отца. Соломон никогда не болел, никогда ни на что не жаловался. Целыми днями ходил он по дворам со своей скрипкой и, играя на ней, зарабатывал несколько копеек в день.

Вчера он пришел поздно, не заработав ни гроша, голодный, продрогший, лег на кровать и ничего не говорил весь вечер. Ночью Исаак слышал тихие стоны. На другой день Соломон, против обыкновения, не пошел на заработки, что несказанно удивило Исаака, а к вечеру Соломон умер...

Исаак долго сидел у кровати и смотрел на труп отца. Он чувствовал, как что-то подступало к горлу и сдавливало его...

Утром в комнату приходил дворник, приходил еще какой-то господин с портфелем, позже пришли люди с носилками и унесли труп. Когда они возились возле кровати, Исаак, забившись в угол комнаты, все тем же удивленным взглядом смотрел на них. Один из них, высокий, плечистый с рыжими усами спросил другого, указывая на Исаака:

– А что с хлопцем будет?

Что ответил другой, Исаак не расслышал.

Мальчик все сидел в углу, устремив глаза в ту сторону, где стояла кровать. Он долго сидел. Тени сгущались, и сумрак наполнял комнату. Черным резким пятном выделялась на сером фоне стены скрипка. Глядя на нее, Исаак вспомнил, как отец учил его играть на ней. Теперь Исаак умел играть все те песенки, которые играл его отец, расхаживая по дворам. Исаак снял со стены скрипку, взял смычок, и звуки полились... Они ширились, росли и то звонко оглушали всю комнату, то тихо, жалобно дрожали... Слезы текли по щекам мальчика. Он играл, изливая в звуках всю свою скорбь. Он играл долго, в комнате стало совсем темно.

Скрипка рыдала...

На следующий день Исаак никуда не выходил: он сидел в углу и играл. Играл, забыв обо всем, весь отдавшись звукам, волной разливавшимся по комнате. Он вспоминал отца, видел его вечно скорбное лицо, слышал его тихий, покорный голос, видел свою худую чахоточную мать, вспоминал свое детство, обиды и горечь, вспоминал всю жизнь свою... Он играл и рыдал вместе со скрипкой...

Вдруг дверь комнаты открылась и на ее пороге показался дворник. Словно в тумане, Исаак увидел его бородатое лицо и будто издали услышал грубый голос:

– Ты что разыгрался, ошалел что ли? Все жильцы жалуются! Тоже музыкант! Брось играть!

– Вот что, малец, – продолжал дворник, – хозяин денег за комнату требует, батька твой помер, платить тебе нечем... Я этот струмент и занесу хозяину вместо платы, а ты сиди здесь, покамест полиция вмешается...

Дворник взял скрипку и вышел.

Когда стало темнеть, Исаак вышел на улицу. Густой туман опустился на город и изменил очертания домов. Он превратил их в уродливых, неуклюжих великанов, а фонари магазинов – в мутные расплывчатые пятна. Мелкими капельками садился он на крыши домов, на мостовую, на спины прохожих, спешивших домой укрыться от ненастной погоды. По мокрой мостовой с ревом проносились автомобили, катились экипажи. Исаак шел, не обращая внимания на окружавшую его жизнь. Красные, воспаленные глаза его были устремлены в пространство. Он не знал, куда идет, ему было все равно, он не имел отца, у него отняли скрипку, которой он мог поведать свое горе...

Публикация Серафимы Блох (Нью-Йорк)

Подарено Александром Парнисом (Москва) для публикации в журнале «Октябрь» и альманахе «Дерибасовская – Ришельевская»

